

Л.Г. ИОНИН,
ДОКТОР ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР (МОСКВА)

ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ И «ОБЩЕСТВО МЕНЬШИНСТВ»

Рассматривается феномен политической корректности как принципиальная и важнейшая характеристика современной массовой демократии. Обозначается всемирно-исторический смысл и главные функции идеологии политкорректности, роль политкорректности в легитимации внутренней и внешней политики.

The phenomenon of political correctness is considered as a principle and most important feature of a modern mass democracy. The world-wide and historic meaning, main functions of ideology of political correctness, and the role of political correctness in the legitimization of internal and external policy are distinguished.

Политическая корректность (далее – политкорректность) – это не случайное, ограниченное местом и временем идейное явление, а принципиальная и важнейшая характеристика современной массовой демократии. Прежде чем развить этот тезис, нужно дать рабочее определение политкорректности. Вообще определений политкорректности очень много*. Любое из них отражает некоторые реальные черты этого явления, но все они не

* Вот два выбранных наугад из множества имеющихся определений. Политкорректность – «практика прямого или опосредованного запрета на высказывание определенных суждений, обнародование фактов, употребление слов и выражений, считающихся оскорбительными для определенных общественных групп, выделяемых по признаку расы, пола, возраста, вероисповедания, сексуальной ориентации и т. п.» (Википедия – <http://ru.wikipedia.org/wiki/Политкорректность>). Политкорректность – «специфическая форма цензуры смыслов... Не столько система запретов на высказывания и самовыражение, сколько метод реформирования внутреннего мира человека и самой структуры мышления путем выведения ряда слов и понятий из языка либо мутации их значений» (Строев С.А. В чем смысл политкорректности // Патриот. Российский политический клуб – http://prpk.info/publ/v_chem_smysl_politkorrektnosti/5-1-0-557).

охватывают его действительного масштаба. На самом деле *политическая корректность* – это идеология современной массовой демократии, служащая, с одной стороны, обоснованию внутренней и внешней политики западных государств и союзов, а с другой – подавлению инакомыслия и обеспечению идейного и ценностного консенсуса.

Политкорректность и равенство

Политкорректность есть современное воплощение принципа равенства. Требование социальной справедливости путем обеспечения равенства – сегодня принцип консенсуса для всех политических сил в современном мире. Прямым выводом из него является подавляющее все прочие принципы требование *обходиться с неравными как с равными*, что рассматривается как одно из самых больших ценностей и достижений современности. Люди должны – и в цивилизованных странах это долженствование воспринимается как самоочевидное – считать равными белых и черных, мужчин и женщин, бедных и богатых, больших и маленьких, умных и глупых и т. д. Это и есть требование *политической корректности*, порождающей огромное количество парадоксов и абсурдов в политике и публичной жизни. Есть парадоксы и абсурды обычные, привычные, можно сказать, впитанные с молоком матери, в которых образованному человеку уже и усомниться-то неприлично. А есть парадоксы и абсурды новые и пока непривычные, но считающиеся обязательными не в меньшей степени, чем старые. К первым можно отнести любого рода принципы и требования универсализма в политике, например всеобщее избирательное право, где действует универсальный принцип «один человек – один голос», причем вес этих голосов абсолютно тождествен, независимо от того, что один голос принадлежит, скажем, гениальному ученому, умнейшему политику или благородному филантропу, а другой – никчемному пьянице или просто идиоту, вообще не способному сформулировать рациональное суждение. Эти голоса не сравниваются и не взвешиваются и оказывают равное влияние на принятие политических решений. Но существуют и сравнительно новые абсурды, порожденные идеологией политкорректности в ее зрелом современном состоянии. Например, подведение под одну категорию, т. е. фактическое признание равенства как в правовом, так и во всех прочих отношениях классической разнополой и гомосексуальной семьи. В некоторых кантонах Швейцарии даже заключаются *церковные* гомосексуальные браки. Это торжество принципа равенства в образе политкорректности.

Выразительные примеры реализации принципов политкорректности приводит военный историк М. Ван Кревелд в книге «Мужчины, женщины и война»¹. В 1985 г. американский журнал «Лайф» в номере, посвященном сорокалетию окончания Второй мировой войны, в которой погибли 300 тысяч американских солдат-мужчин, поместил на обложку фото десяти героев мужчин и семи героев женщин. Во вьетнамской войне у американцев погибли более 57 тысяч мужчин и 8 женщин. Их памяти посвящен монумент в Вашингтоне с шестью фигурами солдат, из которых трое – мужчины и трое – женщины. Это политкорректно. Вообще, США в области политкорректности, как и во многом другом, идут впереди всего мира. Сначала это была борьба с *расизмом* путем табуирования расовых тем и общеизвестного переименования черных в афроамериканцев, как будто бы черные – не черные, затем – борьба против *сексизма*, имеющая целью уравнивание мужчин, женщин и трансвеститов, поскольку их половая идентичность якобы не имеет значения с точки зрения их социальных ролей и статусов. Затем начались выступления против дискриминации *пожилых людей*, что постепенно превратилось в модную идеологию. Глаз эгалитаристов на различия, которые необходимо уничтожить, обострен до чрезвычайности. Запрещено называть инвалидов «disabled», т. е. буквально «лишенные способностей», их надо называть «имеющие другие способности». Тот, кто называет

инвалидов инвалидами, нарушает политкорректность, впадая в *эйблизм* (*ableism*). А тот, кто считает женскую красоту достоинством и благом, впадает в *смотризм* (*lookism*). «К греху “смотризма” тесно примыкает и грех “возрастизма” (*ageism*)... *Sizeism* (“размеризм”, что ли?) – предпочтение хорошей фигуры плохой, или, проще, худых толстым. Он же *fatism* (“жиризм”), *weightism* (“весизм”...)» – это из статьи Татьяны Толстой.

Истолкование неравных как равных – цветных и белых, детей и взрослых, мужчин и женщин, бедных и богатых, маленьких и больших, глупых и умных, наконец, даже людей и животных – стало сегодня ценностью в себе. Неважно, каков человек, – в отношении к нему мы не имеем права показать, что воспринимаем его в его особости и уникальности. Он для нас должен быть человеком вообще, абстрактным человеческим существом – голова,

* Толстая Т. Политическая корректность – <http://fictionbook.ru>

В связи со «смотризмом» как запретным с точки зрения политкорректности желанием мужчины смотреть на женщину как на женщину уместно вспомнить сцену из греховнейшей в 1920-е гг. и быстро запрещенной пьесы Николая Эрдмана «Самоубийца». Она позволяет судить о некоторых общих корнях идейного климата в раннем СССР и современной западной политкорректности.

«В комнату входит Егорошка. Осматривается. Никого нет. Из соседней комнаты слышатся смельканье воды и пофыркивание Марии Лукьяновны. Егорошка на цыпочках подкрадывается к двери и заглядывает в замочную скважину. В это время Серафима Ильинична вылезает из-под кровати.

Серафима Ильинична. Вы это зачем же, молодой человек, такую порнографию делаете? Там женщина голову или даже еще чего хуже моет, а вы на нее в щель смотрите.

Егорошка. Я на нее, Серафима Ильинична, с марксистской точки зрения смотрел, а в этой точке никакой порнографии быть не может.

Серафима Ильинична. Что ж, по-вашему, с этой точки по-другому видать, что ли?

Егорошка. Не только что по-другому, а вовсе наоборот. Я на себе сколько раз проверял. Идешь это, знаешь, по бульвару, и идет вам навстречу дамочка. Ну, конечно, у дамочки всякие формы и всякие линии. И такая исходит от нее нестерпимая для глаз красота, что только зажмуришься и задышишь. Но сейчас же себя оборвешь и подумаешь: а взгляну-ка я на нее, Серафима Ильинична, с марксистской точки зрения – и... взглянешь. И что же вы думаете, Серафима Ильинична? Все с нее как рукой снимает, такая из женщины получается гадость, я вам передать не могу. Я на свете теперь ничему не завидую. Я на все с этой точки могу посмотреть».

Но, разумеется, современная политкорректность продвинулась гораздо дальше. Ранний феминизм Клары Цеткин и других, породивший марксистский «смотризм» 1920-х гг., уступил место также марксистскому по своим истокам феминизму Симоны де Бовуар и ее многочисленных последовательниц, которые научились дифференцировать гораздо тоньше, чем эрдмановский Егорошка. Так, помимо содержательной смены оптики «смотрения» (по-марксистски – не по-марксистски) важен и параметр объема и длительности смотрения. Так, в «Словаре феминизма» (*Dictionary of Feminism*) выделяется *чрезмерный зрительный контакт* (*excessive eye contact*) – оскорбительная форма сексуального «харасмента» (преследования, приставания). Термин получил распространение после того, как в 1994 г. студентка университета Торонто подала в суд на профессора, который пристально смотрел на нее во время лекции. Суд обязал обидчика выплатить жертве 200 тыс. канадских долларов. Также существует понятие *недостаточного зрительного контакта* (*insufficient eye contact*) – не менее оскорбительная форма сексуального приставания, состоящая в том, что мужчина избегает смотреть на женщину, из-за чего она может потерять уверенность в себе и даже почувствовать физическую угрозу.

В том же словаре (частично опубликован: Газета. 7 марта – http://www.compromat.ru/page_12857.htm) имеются такие интересные политкорректные понятия, как, например, *потенциальный насильник* (*potential rapist*) – любое существо мужского пола, достигшее половой зрелости, *коллаборационист* (*collaborator*) – женщина, публично заявляющая о том, что ей нравится заниматься сексом с мужчинами, *умозрительное изнасилование* (*conceptual rape*) – воображаемое мужчиной участие в половом акте с женщиной без ее предварительного согласия.

В романе «Приглашение на казнь», написанном в середине 1930-х гг., когда современный феминизм даже еще не родился, Владимир Набоков гениально предвосхитил понятие умозрительного изнасилования, так сформулировав один из пунктов «Правил для заключенных», вывешенных в тюремной камере: «Желательно, чтобы заключенный не видел вовсе, а в противном случае тотчас сам пресекал, ночные сны, могущие быть по содержанию своему несомнимыми с положением и званием узника, каковы: роскошные пейзажи, прогулки со знакомыми, семейные обеды, а также половое общение с особами, в виде реальном и состоянии бодрствования не подпускающими данного лица, которое посему будет рассматриваться законом, как насильник». Предположить, что это может стать реальным основанием судебного преследования, он, наверное, все же не смог бы.

две руки, две ноги, как в детской считалке: «Палка, палка, огуречик – вот и вышел человечек». Истинные его особенности и характеристики относительно, правовой и политический статус абсолютен. Вообще дух политкорректности выразим в простой формуле: *истина относительна*. Политкорректность не предполагает стремления к истине. Истина ее просто не интересуется. Ее задача – обеспечение *толерантности*, или *терпимости*, даже в отношении того, что заведомо неистинно. Популярный в России и приписываемый Вольтеру афоризм гласит: «Я считаю, что ваши взгляды неверны, но я готов отдать жизнь за ваше право их высказать!» Это и есть принцип терпимости при полном равнодушии к истине. Немецкий философ Н. Больц справедливо заявляет, что в идеологии политической корректности западная цивилизация *порывает с понятием истины*, которое лежало в самом ее фундаменте².

Следует делать различие между идеологией политической корректности, господствующей в официальных организациях, а также в политизированных кругах так называемого гражданского общества, и неэксплицируемой латентной идеологией повседневной жизни. В повседневной жизни неравенства и различия являются изначальной характеристикой социального мира. Огромная часть социализации заключается в усвоении именно различий и неравенств. Более того, значительная часть человеческих связей и отношений предполагает наличие неравенства в качестве необходимого условия своего осуществления. Как изящно замечает Больц, «каждый, кто обладает жизненным опытом, знает, что не бывает счастья без переживания различий». В общем, вся наша взрослая жизнь есть опыт переживания самого разного рода неравенств.

Но политкорректность и здравый смысл – понятия не только не совпадающие друг с другом, но коренным образом расходящиеся прежде всего по своим функциям. Политкорректность – политическое орудие, которое служит для *контроля мнений в условиях свободы слова*. Путем принудительной замены неполиткорректных слов на политкорректные осуществляется насильственный перевод мнений и высказываний из одной системы мысли в другую, более того, из одной картины мира – в другую. Например, если в ходе выступления оратор употребит термин «чужой» по отношению к прибывшему в страну лицу иной национальности, иной веры или иного цвета кожи, то политкорректная аудитория может прервать его восклицаниями: «Не чужой! Другой!» (этот случай действительно произошел с автором настоящей работы). Вроде бы не очень большое изменение. На самом деле политкорректное «другой» переводит рассуждение из контекста, скажем, борьбы цивилизаций, геополитики, острых международных и идеологических конфликтов в контекст общедемократического *Fraternité* и благостных призывов типа «Оды к радости». Важно, что реакция на отклоняющиеся, неполиткорректные мнения – это не рациональное возражение, а *возмущение*. Гнев и возмущение – демократические чувства, и они позволяют контролировать аудиторию лучше, чем рассуждение и анализ. Так что способ реагирования на неполиткорректные слова становится дополнительным орудием контроля мнений. Таким образом, возникает *политкорректная ортодоксия*, которая способна возбуждать и направлять демократическое общественное мнение даже против большинства, которое тем самым действительно превращается в «молчаливое большинство». Этот процесс формирования молчаливого большинства, которое подавляется малочисленной, шумной и политкорректной ортодоксией, немецкая исследовательница общественного мнения Э. Нозль-Нойман назвала «спиралью молчания»³.

Происхождение политкорректности

Н. Больц дает социологическое объяснение феномена политкорректности, одна из важнейших задач которой сегодня состоит в том, чтобы показать, что столкновение цивилизаций и борьба культур на самом деле представ-

ляют собой не что иное, как культурную и национальную дискриминацию и создание атмосферы межнациональной вражды и ненависти. При этом политкорректность еще и умудряется замаскировать собственную стратегию. Дело в том, считает Больц, что имеет место не одна борьба культур, а две. Одна из них – это борьба Запада против всего остального мира (это не просто столкновение религий и не столкновение равноправных и равноценных культур, а именно борьба всех против Запада, преследующая своей целью уничтожение этого самого Запада), а вторая – это, по мнению Больца, борьба Запада против самого Запада, ведущаяся перьями левых интеллектуалов. Имеются в виду возбуждаемые ими антибуржуазные настроения.

Есть очень простое, но убедительное объяснение того, почему подавляющее большинство европейских интеллектуалов в политике занимают левые позиции: «Они много значат, но мало зарабатывают», – пишет Больц. И им приходится постоянно сталкиваться с успешными персонами буржуазного мира, которые очень много зарабатывают, хотя в интеллектуальном смысле им очень сильно уступают. Больц формулирует эту простую мысль еще и на языке социологии: «Типичный антибуржуазный рессентимент интеллектуалов возникает в силу неравенства дохода и статуса»⁴. К. Маркс, В.И. Ленин, затем в 1920-е гг. – А. Грамши, В. Беньямин и ранние представители Франкфуртской школы – все они были не только философами и абстрактными наблюдателями мировых фигур и процессов, но и неистовыми пропагандистами антибуржуазного духа. У самых ярких фигур, таких как Маркс или Ленин, в инвективах, направляемых в адрес буржуазии как класса и буржуазного государства, звучал такой накал страсти и ненависти, что трудно было не сделать заключения о присутствии личных мотивов. Об этих мотивах, в частности, о материальных затруднениях Маркса, о личных проблемах и трудной эмигрантской жизни Ленина писали многие публицисты. Поэтому логично предположить, что левая мысль родилась из духа ненависти к успехам буржуазии и «нанятых» ею идеологов. Возрождение этого духа произошло в 1960-е гг., и с этих пор левый интеллектуализм существует и делает успехи как постоянная оппозиция капиталистическому развитию. То время – это время антикапиталистической студенческой революции, которая зиждилась на фрейдомарксистском базисе, творилась во имя разоблачения репрессивной идеологии и освобождения пола как альтернативы марксистскому освобождению труда. Любые кризисные явления приветствовались радостными криками, ибо это давало возможность провозгласить смерть капитализма и от имени всего человечества потребовать справедливости в равенстве. Революция 1960-х сошла на нет, не оставив каких-либо ясно наблюдаемых изменений в политике и экономике, но запечатлела свои неизгладимые следы в европейской культуре. Таковыми оказались, во-первых, сексуальная революция, коренным образом изменившая отношение общества к полу, и, во-вторых, культурное движение, ставшее известным под именем постмодерна. И в-третьих, революция 1960-х не умерла, сохранившись в постоянном стремлении к освобождению чего-нибудь (объект эмансипации постоянно меняется) из-под ига буржуазии, безжалостно использующей и истребляющей этот подлежащий освобождению объект.

Больц дает краткий перечень подлежащих освобождению объектов и выдвигаемых «освободителями» (а также подлинных) мотивов борьбы за освобождение, который я здесь воспроизведу как можно ближе к тексту. Дальнейшее развитие, считает он, продемонстрировало (как это, впрочем, было продемонстрировано уже тысячекратно на примерах самых разных революций), что те, кто требовал равенства, на самом деле стремились к привилегиям. Это относится к интеллектуалам едва ли не в первую очередь. Они обманывали, ссылаясь на «человечество». Это бесцветное понятие получает свое антибуржуазное звучание только в том случае, когда по-

давяющее большинство населения истолковывается как жертва системы, управляемой кучкой богачей. Это наполовину конспирологическое, наполовину философско-историческое представление в левой мысли всегда считалось выражающим самый дух мировой динамики. Сначала (в марксизме) угнетенное человечество представлял собой угнетаемый капиталистами класс фабричных рабочих, потом (в феминизме и вообще социал-демократии) его место заняла угнетенная женщина и угнетенные колониальные народы, потом – безжалостно используемая, загрязняемая и гибнущая природа (зеленые и социал-демократы). Капиталисты *всегда должны* что-нибудь угнетать и губить, иначе невозможно объяснить господствующее положение западной цивилизации и невозможно призвать ее к ответу по всемирно-историческим счетам. Поэтому теперь, когда экологический контроль стал неременным атрибутом любых индустриальных проектов и процессов, роль угнетаемой и загрязняемой природы занял безжалостно убиваемый промышленными странами земной *климат*. Это новый фетиш, заключает Болъц, над которым рыдают все обиженные судьбой люди, страны и корпорации⁵.

Эти рассуждения достаточно убедительны. Но Болъц не указывает границы своих суждений, и оказывается, что буквально против каждого из них могут быть выдвинуты весомые возражения. Так, не все левые интеллектуалы буквально ненавидели буржуазность как мировоззрение и образ жизни. Многие социал-демократические мыслители и политики, а также, например, многие неомарксисты оказались хорошо интегрированными в идеологическую систему западного мира. Даже некоторые вожаки студенческой революции 1960-х, Р. Дебре например, без труда сумели стать крупными чиновниками либо вполне буржуазными мыслителями. Вообще-то Болъц прав в том, что левые интеллектуалы должны быть умными, но бедными. Не подобает защищать обездоленных тому, кто не в состоянии прочувствовать их судьбу и долю. Но дело в том, что в нынешней утвердившейся во всем мире организации интеллектуального труда практически нет различий в статусе и доходах университетских преподавателей и профессоров в зависимости от их идеологической ориентации. Профессора, имеющие разные политические ориентации, успешно работают вместе, точно так же, впрочем, как и профессора, имеющие разные сексуальные ориентации. Это становится возможным именно в силу того, что в университетах господствует дух политкорректности.

Впрочем, это относится не только к университетам, но и вообще к современной науке и системе образования. Тому масса примеров. Вот что пишет о политкорректном обучении польская исследовательница А. Колаковска: «В английских школах... на уроках географии главные темы – окружающая среда, устойчивое развитие и культурная терпимость, [учителя] ...говорят учащимся, что те должны думать о глобальном потеплении и эксплуатации менее развитых стран большим бизнесом. К каждой проблеме есть только один правильный подход, других толкований нет... Дети получают много знаний о загрязнении окружающей среды и об эксплуатации, но не о реках и горах, государствах и столицах и не о том, что где расположено. Под конец средней школы дети не умеют найти на глобусе Африку»⁶. Это и есть политкорректность в действии. А вот сообщение «Фокс ньюс», также относящееся к школьному образованию: «В некоторых муниципальных школах учителя математики учат не только алгебре и геометрии, но и тому, как бороться с тем, что они считают расизмом. Программа “анти-расистского обучения” в муниципальной школе в Ньютоне, Массачусетс... вызвала недовольство некоторых родителей, считающих, что школьное управление озабочено политической корректностью больше, чем развитием математических навыков. Согласно региональным нормативам обучения в средней школе, *главной целью* (top objective! – Л. И.) обучения математике

является выработка в учениках «уважения человеческих различий»⁷. Задача учеников – «усвоение главных системных ценностей» путем демонстрации поведения, свободного от расизма и предрассудков и т. д.

То же самое происходит в гораздо более широких масштабах, в частности, в ходе обучения *антирасистской математике*. В Англии антирасистская математика – часть реформы образования, состоящая в выработке преподавания математики, свободного от якобы наличествующих в традиционном преподавании культурных и расовых предрассудков. На место математики как дисциплины, созданной целиком западными учеными, должна прийти антирасистская математика и *этноматематика*. Это касается и содержания, и методов преподавания. Главным предметом изучения должно стать математическое знание древних неевропейских цивилизаций, а также вклад неевропейских математиков вообще. В преподавании следует избегать расовых стереотипов как в оценке знаний учеников, так и в учебных пособиях, учебниках, экзаменационных вопросах и т. д. Задачей антирасистской математики в целом является достижение более высоких результатов представителями некоторых групп меньшинств⁸.

Политкорректность может оказывать и уже оказывает опустошающее воздействие на науку. Она состоит в требовании не замечать многие очевидные вещи, делая вид, что их не существует. Например, изучение генетических детерминант и расовых особенностей поведения, врожденных половых ролей и т. п., вообще почти все социобиологические исследования трактуются как нечто не совсем приличное, как упоминание и, более того, настаивание на том, на чем не принято не то что настаивать, но и даже упоминать. Речь о том, *истинны или неистинны* суждения об открываемых в этих областях закономерностях, не идет.

Политкорректность в борьбе цивилизаций

В чем состоит всемирно-исторический, если можно так выразиться, смысл политкорректности? Контроль над языком и предписания по правильному обозначению вещей и явлений вкупе с табуированием некоторых слов и понятий всегда были свойственны репрессивным режимам, играя особую роль в формировании «правильного» образа мира. Как известно, идеально вскрыл этот механизм Д. Оруэлл. Правила и требования политкорректности заставляют сегодня вспомнить оруэлловский *New Speak – новояз*. Н. Больц, исходя именно из победоносного движения политкорректности, полагает, что марксизм, который провалился как программа социалистического преобразования мира, победил именно как культурная революция. Политкорректность – это, считает он, ядро марксистской культурной революции XX и XXI вв. Символ веры этой культурной революции Больц сводит к четырем тезисам:

- 1) все жизненные стили равны, дискриминировать альтернативный жизненный стиль – преступление;
- 2) кто против политики уравнивания, тот расист, ксенофоб и сексист;
- 3) не гомосексуалы больны, а те, кто осуждает гомосексуалов;
- 4) ни одна культура и ни одна религия не превосходят другую.

Воспринять все это всерьез невозможно, но признаться в этом нельзя, если не хочешь быть заклеенным как расист, ксенофоб и сексист. Это точь-в-точь как с буржуазной идеологией, представляющей собой, согласно марксистскому учению, извращенное, ложное отражение действительности. Если ты не согласен с каким-то тезисом марксистской теории или требованием марксистской революционной практики, то ты находишься под влиянием буржуазной идеологии, т. е. видишь мир в ее кривом зеркале. Таким образом, любое возражение против марксизма будет отвергнуто, и не только отвергнуто – возражающий еще и будет обвинен в том, что его сознание извращено, искривлено, отравлено и т. д. Таким образом, в марксистскую идеологию, а равным образом и в идеологию политкорректности оказался

вмонтирован своеобразный теоретический механизм, благодаря которому не только заранее отвергается любая критика, но критик оказывается обвиненным в самых тяжких грехах, причем *именно по причине самого факта критики*. В силу действия этого механизма, коснувшись любой из табуированных политкорректностью тем, критик получает в ответ полный заряд ненависти и презрения. Кстати, в свое время, в 1930-е гг., именно этот механизм, именно этот ход мысли стал *одним* из инструментов легитимации террора против инакомыслящих в СССР. Пойдет ли политкорректное общество по тому же пути? В конце концов, как показала история, любой *новояз* существует не сам по себе, а как орудие легитимации реальной политики!

Вообще-то такие эмоции, как ненависть, презрение и прочее, а также необходимость репрессий вроде бы не запрограммированы в политкорректных индивидах. Но в том-то и дело, что терпимость в политкорректном обществе предписана только одной стороне. «Многообразие» и «мультикультурность», т. е. справедливое и равное представление разных религий, культур и народов, – это как «истина», «равенство» и «справедливость» в оруэлловском новоязе. На самом деле мы скорее имеем дело с *инверсией* традиционного культурного шовинизма (Больц). Идеал и образец – Азия и Африка, Запад – это то, что следует презирать и чего следует стыдиться. Многообразие и равенство означает на практике: *все минус одна*. И эта одна – культура Запада. Существует множество фактов, показывающих, что во взаимодействии с иными культурами именно западная культура белого человека оказывается проигрывающей и страдающей стороной^{*}.

Политкорректность на экспорт

В определении политкорректности, приведенном в начале статьи, я указывал на две главные функции идеологии политкорректности: она служит, с одной стороны, обоснованию внутренней и внешней политики западных государств и союзов, а с другой – подавлению инакомыслия и обеспечению идейного и ценностного консенсуса. Что касается подавления инакомыслия и обеспечения ценностного консенсуса, то об этом уже кое-что сказано. Остается показать, как политкорректность служит легитимации внутренней и прежде всего внешней политики.

В классической модели демократии на первый план выходило представительство интересов всех самых разных и даже противоречащих в чем-то друг другу общественных сил, которое обеспечивалось принципом «один человек – один голос». Представительство с самого возникновения демократии считалось ее главным достоинством, но одновременно и одной из ее главных проблем. Оно, естественно, предполагает *дифференциацию*. Современная массовая демократия, главной движущей силой которой является стремление к *уравнению* всего и вся путем максимального абстрагирования человеческих существ, ставит, естественно, отнюдь *не на представительство, а на легитимацию* путем завоевания популярности. Задача обеспечения демократии в техническом смысле меняется: поскольку политическая дифференциация если не исчезает, то отходит на задний план, политические программы и тезисы становятся ненужными и неважными (их мало кто или вообще никто не читает и не обсуждает, в предвыборной суматохе они скучны и неинтересны), на первый план выходит завоевание го-

^{*} Киевский публицист А. Шарий пишет: «Убаюкивающие сказки о толерантности и политкорректности накрыли нас с головой в 90-х годах. Именно тогда правозащитники всех мастей просто-таки взмокли, забрасывая законодательные собрания европейских стран своими требованиями «равенства и братства». Причем равенство по отношению к носителям ислама со временем стало более «равным». То есть ислам пользовался в Европе все большими льготами и преимуществами, отвечая на это преследованиями и травлей христиан как у себя дома в мусульманских странах, так и в Европе». Далее следует впечатляющая подборка фактов. (Шарий А. Нетолерантная статья о мусульманах // From-ua.com. <http://www.from-ua.com/voice/f7a6cfbea65cc.html>).

лосов путем применения универсальных орудий маркетинга и пиара – в принципе тех самых, что используются в рекламных кампаниях потребительских товаров, но еще и специфических орудий политической рекламы. Кандидат – это тот же товар, рекламные стратегии различаются, но цель одна: больше голосов со всех возможных (политических) сторон. Представляет ли кандидат реально чьи-то интересы – не важно. Важно, что победивший кандидат – *легитимный* депутат, мэр, президент. Все это давно не секрет, об этом написано много работ. Это стандартная процедура продвижения программ и политик.

Но иначе обстоит дело в странах, где *массовая демократия*, уравнивающая всех и сделавшая излишними партии как агентов представительства партикулярных интересов, точнее, сведшая их к роли сторон в инсценировке политических конфликтов, *не стала реальностью*, а реальностью, наоборот, является глубокая дифференциация общества, состоящего из многих этнических и конфессиональных групп, кланов, профессиональных и других сообществ, часто с глубоко расходящимися целями и интересами. В этих странах конфликты между разными группами тянутся иногда веками, переходя из открытой, иногда вооруженной борьбы в подспудную тлеющую враждебность. Существующая в массовых демократиях норма демократического представительства «один человек – один голос» в таких условиях неприемлема, поскольку победа более многочисленной группы на выборах ничего не решает, ибо проигравшая сторона или стороны никогда не примут поражения на выборах, посчитав это недостаточным аргументом в пользу того, чтобы сложить оружие. Тем более что очень часто победители на выборах стараются использовать свою победу для окончательного подавления противника, применяя самые разные методы – психологические, экономические, административные, военные. Этого невозможно избежать, потому что в таких странах победа на выборах, в результате которой сменяется власть, неизбежно ведет не просто к смене политической (партийной) группы, как это бывает в массовых демократиях, а к смене господствующих этносов, кланов, родов, что меняет не только структуру власти, но часто и структуру экономики, и культурные традиции, т. е. целиком жизнь в стране.

Можно было бы сказать – и часто говорят, – что все это страны с иной политической культурой, и нужно время и усилия, чтобы демократия, первоначально чуждая, стала обычаем и привычкой. Действительно, культурные традиции играют здесь не последнюю роль, но еще важнее принципиально иной, чем в западных странах, характер социальной структуры. Именно социальная конституция этих во многом еще архаичных обществ требует иного рода представительства, носящего не массово-демократический, а *сословный* либо *корпоративный* характер. Когда же в этих странах реализуется массово-демократическая модель, подменяющая представительство электоральной легитимацией, возможны три исхода: первый, когда выборы, а затем и деятельность избранных политических органов осуществляются под явным или неявным управлением и контролем иностранных эмиссаров, приводит к появлению управляемой, причем *управляемой извне демократии*; второй, когда контроль извне ослабевает, ведет к быстрому перерождению избранной квазидемократической власти в более или менее жесткую диктатуру; третий, когда также контроль ослабевает или вообще снимается, ведет к ликвидации «ростков» демократии и к возвращению традиционных способов совместного существования (разные формы сословного и корпоративного представительства) и изживания конфликтов (выкупы, войны, геноцид).

Примеров такого рода множество. Практически это происходит во всех странах *импортированной демократии* – в Афганистане, в Ираке, во многих африканских странах, а также в большинстве постсоветских стран. Якобы легитимно избранные под покровительством международных организа-

ций и западных правительств президенты и парламенты представляют не столько интересы населения самих этих стран, сколько интересы правящих этносов и кланов или же, в худшем случае, как, например, в Афганистане, интересы оккупационных сил НАТО. Легитимации путем выборов – в данном случае не важно, честных или фальсифицированных – для покровителей и одновременно импортеров демократии оказывается достаточно. Выступают наблюдатели от ЕС, Совета Европы, ООН, и выборы признаются честными и демократическими. Совершенно не важно, насколько избранные парламенты и президенты представляют многообразные партикулярные групповые интересы населения страны. О реальном представительстве речь не идет, достаточно осуществления выборов. Причем, как правило, в этих странах именно оценка выборов наблюдателями оказывается необходимым и в принципе достаточным условием признания выборов легитимными. В противном случае, т. е., если евроатлантические наблюдатели остаются недовольны, само это недовольство уже является сигналом для оппозиции мирным или немирным путем добиваться пересмотра итогов выборов. Много раз это получалось – в Сербии, Афганистане, Киргизии, Молдове, Украине. В России, несмотря на недовольство наблюдателей, переворот не удался, хотя готовые «пятые колонны» уже были построены и возвращали о себе негодующими статьями в оппозиционных СМИ. На этом основании можно заключить, что конечным источником легитимности в странах импортированной демократии является не результат народного волеизъявления, а *позиция политических и государственных органов США и ЕС*, выраженная в оценках наблюдателей.

Безусловно, даже такие инсценированные выборы являются для большинства государств с импортированной демократией огромным, можно даже сказать, эпохальным достижением. Переход политической власти в другие руки не ведет к убийству побежденных. В этом, как писал Э. Канетти в «Массе и власти», – сущность и всемирно-историческое достижение парламентаризма. Но этого недостаточно для того, чтобы называть возникающий в такой ситуации режим демократическим. Якобы легитимная власть при таком режиме остается абсолютно чуждой интересам подавляющего большинства населения. Внешние силы и местные господствующие кланы – вот и все участники этой игры в демократию. А населению такая власть, в лучшем случае, не несет ничего, все остается, как было, в худшем же случае, несет кровопролитие, бедность, болезни и смерть. Корреспондент Би-би-си Х. Хоксли опубликовал книгу «Демократия убивает», где на неопровержимых фактах (репортер – не теоретик) показал роковые последствия импорта демократии⁹. Это Кот-д'Ивуар с его обеспечивающим весь мир производством бобов какао, это Ирак, Афганистан, страны Латинской Америки и т. д. В Ираке, «введя» демократию посредством военной оккупации страны, США добились лишь того, что издавна существовавшие религиозные и племенные противоречия обрели новый, якобы демократический способ выражения, а соответствующие религиозные и племенные формирования (сунниты, курды, христиане, ассирийцы) превратились в электораты соответствующих партий. В результате выборы стали воспроизведением в новом виде вечных конфликтов. Та же враждебность, то же нежелание компромисса и в конечном счете – террор как естественное дополнение к

⁹ Подзаголовок книги гласит: «Что хорошего в том, что у тебя есть голос?» Автор показывает, например, что дети, собирающие какао-бобы в Кот-д'Ивуаре, не получили ровно ничего от появления в стране урн для голосования. То, что они получают сегодня, не отличается от того, что они получали 30 лет назад, когда страной правил жестокий диктатор. После смерти диктатора в 1993 г. Кот-д'Ивуар пал жертвой моды на демократию. Результатом стал непрерывный ряд слабых правительств, не сумевших защитить страну от западных производителей шоколада. Вывод Хоксли: у взрослых теперь есть право голоса, но их дети практически остаются рабами.

выборам. При этом западные наблюдатели, видя, как иракцы выстраиваются в очереди к избирательным участкам, рапортуют о победе демократического духа, тогда как на самом деле они голосуют не как граждане демократического Ирака, а как носители племенных и конфессиональных идентичностей, и главная их цель при этом состоит в том, чтобы не дать победить своим врагам, поскольку в этом случае их ждет незавидная судьба¹⁰. Похожим образом работает украинская оранжевая и посторанжевая демократия. Западные комментаторы торжествуют: все, мол, было не зря, страна прочно встала на рельсы демократии, успешно прошли новые выборы. За пределами рассмотрения и оценки остаются катастрофическое состояние экономики, деградация индустрии, распад морали, депопуляция и другие последствия торжества демократии. Да и в политической организации страны выборы мало что изменили: она по-прежнему расколота на два враждебных лагеря, проигравшие прямо заявили, что не признают победителя в качестве президента. Начать поднимать народ на бунт им помешало только признание результата выборов западными наблюдателями, посчитавшими, наконец, что шансов на успех такого бунта ввиду опустошения, причиненного оранжевыми за время их правления, слишком мало. Это еще раз показывает, что подлинная легитимация в управляемых извне демократиях исходит не от народного волеизъявления, а от одобрения либо неодобрения этого волеизъявления властями в Вашингтоне и Брюсселе.

Рассматривая управляемые извне демократии и пытаясь объяснить причины неуспеха импортируемых образцов, мы делаем упор на социальную организацию и культуру, не принимающую модели, характерной для массовых обществ. Но многие исследователи отмечают необходимость достижения определенного уровня благосостояния, делающего терпимой и даже желаемой демократическую процедуру и все, что она несет обществу и индивиду. Например, оксфордский профессор П. Кольер предложил формулу, объясняющую связь между благосостоянием и демократической стабильностью. Он считает, что точка пересечения лежит на уровне среднедушевого дохода в 2700 долларов в год. Ниже этого уровня демократии сложно укорениться. Политический процесс часто прерывается насилием. По контрасту в обществах, где среднедушевой доход превышает этот уровень, граждане чувствуют, что у них есть доля в системе, и насилие вероятно лишь в том случае, если демократические требования не выполняются. Как показывает Кольер, в новых демократиях по всему миру связь между бедностью и нестабильностью очевидна¹¹.

Профессор А. Пшеворский почти два десятилетия назад выдвинул свою формулу¹². По его мнению, падения демократии никогда не произойдет в стране, где доход на душу населения превышает 6 тыс. 55 долл. – уровень дохода на душу населения в Аргентине в 1975 г.^{*} Косвенно это подтверждается тем, что только в период с 1951 по 1990 г. в более бедных странах потерпели крах 39 демократий, тогда как в более богатых странах 31 демократия просуществовала 762 года, причем ни одна из них не погибла. Богатые демократические страны смогли пережить войны, бунты, скандалы, экономические и правительственные кризисы и многое другое. Вероятность выживания демократии возрастает с ростом дохода на душу населения. В странах с доходом на душу населения, не превышающим 1 тыс. долл., вероятность гибели демократии составляла 0,1636, что означает: продолжительность ее существования равнялась примерно шести годам. При доходе на душу населения от 1 тыс. 1 до 3 тыс. долл. вероятность гибели демократии составляла 0,0561, а продолжительность ее существования – примерно 18 лет. При доходе от 3 тыс. 1 до 6 тыс. 55 долл. вероятность составляла 0,0216, что равняется

^{*} Учитывая сильное падение доллара за истекшие два десятилетия, можно считать цифру Пшеворского не так уж отличающейся от цифры Кольера.

приблизительно 46 годам существования. А что бывает, когда доход превышает 6 тыс. 55 долл., нам уже известно: демократия существует вечно. Если демократия все же пала, считает Пшеворский, при более низком доходе на душу населения диктатуры чаще устанавливаются именно победившей на выборах стороной, а не теми, на смену кому она приходит. В очень бедных странах вероятность установления диктатуры победившей или проигравшей на выборах стороной примерно одинакова. В странах с уровнем дохода от 1 тыс. 1 до 6 тыс. 55 долл. вероятность установления диктатуры проигравшей стороной намного выше. При доходе выше 6 тыс. 55 долл. ни одна из сторон не решится на захват власти.

Если верить забавным выкладкам Пшеворского, а также и Кольеру, импортированные постсоветские демократии в большинстве своем обречены, вопрос только в сроке их жизни. Для нас же сейчас важно, что импорт демократии, т. е., по существу, простейшая пересадка массово-демократических электоральных процедур на почву стран, обладающих совсем иной, чем массовые демократии, культурной, экономической и социальной организацией, не есть тем не менее их «завоевание» или «покорение». Даже если правящей до того режим сметен военной силой, как, например, в Ираке и Афганистане. Сами американцы утверждают, что они пришли с освободительными целями и освободили Ирак от жестокого диктатора, а Афганистан – от террористического режима талибов. Есть основания полагать, что они не кривят душой, и оккупационные войска в обозримый промежуток времени будут выведены, а власть перейдет к местной администрации (далее события будут развиваться по второму и третьему из описанных выше вариантов), аналогично тому, как Советская Армия была выведена из освобожденных в 1945 г. стран Восточной Европы. Дело в том, что приход США и НАТО в эти страны – не «банальное» завоевание, а элемент реализации глобального проекта. Практическая идеология этого проекта – политическая корректность. Согласно принципам политической корректности не США с участием НАТО оккупировали Афганистан, а международное сообщество пришло на помощь стремящемуся к свету демократии народу. Афганистану не повезло: в течение менее полувека он стал жертвой двух ориентированных на мировое господство глобальных проектов. Согласно такой же политкорректной, как нынешняя западная, советской идеологии равенства афганский народ стремился к свету социализма. Было бы непolitкорректно говорить, что страна не созрела для социализма. В настоящее время не политкорректно сказать, что Афганистан не созрел для демократии. Это было бы похоже на рецидив колониального мышления, согласен которому есть народы, которые стоят на такой ступени развития, что не способны к самоуправлению, а потому должны управляться извне. Для политкорректного мышления это невыносимо. Поэтому необходимо считать, что афганцы, так же как иракцы, ивуарийцы, гаитяне (где страшное землетрясение обнаружило все убожество гаитянской демократии) и т. д., могут быть такими же хорошими демократами, как англичане, французы и немцы. На практике оказывается, что импортированная демократия выливается в нестабильность, экономические катастрофы, падение жизненного уровня, а иногда в кровавые войны. Тем не менее идеология политкорректности остается непоколебленной, ибо при всей ее толерантной благостности согласно ее идеологии существуют многочисленные враги – террористы, сексисты, фашисты, коммунисты, ксенофобы, гомофобы и другие мракобесы, справиться с которыми помогают гуманитарный экспедиционный корпус и гуманитарные бомбардировки.

Грядущее общество меньшинств

Мы определили политкорректность как идеологию современной массовой демократии, служащую, с одной стороны, легитимации внутренней и внешней политики западных государств и союзов, а с другой – подавлению

инакомыслия и обеспечению идейного и ценностного консенсуса. Содержательно этот консенсус формируется как идеология тотального равенства, ведущая к стиранию всякого рода различий и полному абстрагированию человеческих индивидов, обладающих равными универсальными правами, обеспечение которых является первой и главной функцией государства и политической системы в целом. В то же время политкорректность порождает новый тип социальной структуры, где ключевыми групповыми идентификациями выступают категории разного рода меньшинств, рассматриваемых как депривированные и когда-то подвергавшиеся или сейчас подвергаемые эксклюзии со стороны некоего неопределенного господствующего большинства. Это господствующее большинство определяется по-разному каждым из угнетаемых меньшинств. По отношению к женщинам – это мужчины, по отношению к черным – белые, по отношению к инвалидам – здоровые, к бедным – богатые, к жирным – стройные, к уродливым – красивые, к глупым – умные, по отношению к гомосексуалам – люди традиционной сексуальной ориентации и т. д. и т. п. В результате общество начинает рассматриваться как *общество меньшинств*, в котором только меньшинства выглядят реально существующими и претендующими на универсальные права, тогда как это самое якобы господствующее большинство ведет как бы теневое существование и является лишь фоном, демонстрирующим специфику любого рода меньшинств и обосновывающим их претензии на высокий социальный статус и привилегированное место в системе распределения благ.

В результате происходят поистине эпохальные цивилизационные изменения. Мы показали, что господство политкорректности медленно, но весьма эффективно ведет к изменению некоторых основополагающих «констант» европейской цивилизации. Так, политкорректность ведет к замене *истины* как высшей ценности и главного критерия не только научной, но и – не побоюсь это сказать! – моральной правоты *терпимостью* как высшей максимой морали. Разумеется, виной этому не только политкорректность, но и общее релятивистское устремление философии XX и XXI вв., выразившееся, в частности, в идеях постмодерна, но политкорректность в этой связи можно рассматривать как дедуцированный из релятивистской философии набор моральных поучений и поведенческих образцов, подходящих к умственному уровню широких масс.

Деградация истины неизбежно сопровождается деградацией науки. Классическая наука эпохи модерна явилась некогда идеалом коммуникативной структуры, по образцу которой строилась *буржуазная общественность*. По мере дифференциации функциональных сфер жизни общества общественное мнение все более и более отделялось от науки, утрачивало свой рациональный пафос и дискуссионную природу и все более обнаруживало в себе черты сложного *механизма господства*, понимание принципов работы которого сложилось лишь к концу XX в.

Маргинализация, вытеснение на задний план общественной жизни понятия истины и института науки, которые в свое время легли в основу триумфальных побед и многовековой экспансии западной цивилизации, неизбежно должны были привести к деградации *культуры Запада*. Политкорректность стала, как мы старались показать, главным орудием такой деградации. *Общество меньшинств*, складывающееся благодаря господству идеологии политкорректности, претендует на имя безгранично терпимого общества, но единственно нетерпимое в нем – это традиционные ценности Запада, ведущие свое начало от деяний героев Гомера: это величие и доблесть, красота и сила, истина и разум, благородство и свобода, мужественность и женственность и т. д. и т. п. Парадоксальным образом эти ценности соотносятся с тем самым смутно определяемым большинством, которое служит *негативным* ценностным полюсом в обществе меньшинств.

Нужно, однако, отметить, что политкорректность – *плоть от плоти самих европейских ценностей*, но представляет их, так сказать, не солнечную, не аполлоническую сторону: это доброта и милосердие, любовь и жалость, равенство и снисхождение, страдание, мученичество, самопожертвование и т. д. В рамках общества меньшинств именно эти ценности стали обретать статус абсолютной идеологической нормы, оказываясь при этом противопоставленными очерченным выше ценностям «большинства». Весь фокус, однако, в том, что это лишь часть ценностного богатства европейской культуры, которая может существовать лишь в органическом единстве этих составляющих ее частей, а будучи таким образом разделенной, теряет свою идентичность. Европейская культура не может быть культурой угнетенных, культурой меньшинств, что означает также, что она не может быть политкорректной культурой, не утрачивая себя*.

¹ См.: Van Creveld M. Man, Women and War. London, 2001. S. 234.

² См.: Bolz N. Diskurs über die Ungleichheit. Ein Anti-Rousseau. Muenchen, 2009.

³ См.: Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М., 1996.

⁴ Bolz N. Op. cit. S. 29.

⁵ Ibid.

⁶ Колаковска А. IMAGINE. Интеллектуальные истоки политкорректности // Новая Польша. 2010. № 2.

⁷ Porteus Liza. «Anti-Racist» Message in Mass. Math Class // Fox News, February 08, 2005. <http://www.foxnews.com/story/0,2933,146684,00.html>

⁸ См.: Extract from memorandum submitted by the African-Caribbean Network for Science & Technology to Committee on Science and Technology – <http://www.publications.parliament.uk/pa/cm200102/cmsselect/cmsctech/508/508ap01.htm>

⁹ См.: Hawksley H. Democracy Kills: What's So Good About the Vote? London, 2009.

¹⁰ См.: Де Гроот Г. Экспортируя равенство, импортируя нестабильность. <http://www.inosmi.ru/translation/252437.html>

¹¹ См.: Collier P. Wars. Guns and Votes. Democracy in Dangerous Places. London, 2009.

¹² См.: Przeworski A. Why Do Political Parties Obey Results of Elections // Democracy and the Rule of Law / Ed. by J.M. Maravall, A. Przeworski. Cambridge, 2003. P. 124.

Поступила в редакцию 30.08.10.